

О борьбе художественных течений и дружбе их представителей в 1920-е, о «сторожах талантов» Бриках и ласковом Маяковском

<http://oralhistory.ru/talks/orh-77-78>

🗣 22 декабря 1968

Собеседник

Тышлер Александр Григорьевич

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 22 декабря 1968 и опубликована 27 октября 2017.

Введение

Беседуя с Виктором Дувакиным, художник Александр Тышлер вспоминает о художественной жизни Киева конца 1910-х годов и студии Александры Экстер, о своем переезде в Москву, недолгом пребывании во ВХУТЕМАСе и о начале работы с театрами. Он рассказывает о художественных обществах и течениях 1910–1920-х годов, отмечая не столько их борьбу, сколько многообразие, необходимое для полноценной художественной жизни.

В центре беседы — фигура Маяковского. Тышлер рисует его словесный портрет, вспоминает забавные эпизоды их личных встреч и поэтических вечеров, на которых бывал.

Хотя первая часть беседы, где Тышлер рассказывал о раннем периоде своей биографии, была случайно стерта Дувакиным при записи (поэтому беседа начинается с полуслова), в сохранившейся осталось немало интересного, в том числе, для исследователей творчества художника. Например, Александр Григорьевич рассказывает о плакате «Антисемитизм — сознательная контрреволюция», история создания которого была до сих пор неизвестна.

Благодарим Отдел личных коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина и лично Анну Чудецкую за предоставленные иллюстрации.

О Маяковском – художнике

[...]

Виктор Дмитриевич Дувакин: ...Картинки Черемных и Малютина казались скучнее*.

Александр Григорьевич Тышлер: Да, конечно.

В.Д.: Вы знаете, почему [...] я в них влюбился. Я их художественно люблю.

А.Т.: [...] была разница. Маяковский... У Черемных опять-таки я оговариваюсь, что это все... и Черемных...

В.Д.: Хороший художник.

А.Т.: Чудный художник, замечательный, я его очень хорошо знал...

В.Д.: Я тоже.

А.Т.: ...мы были друзья, но вот разница есть, тут невольно есть разница, не может быть одинаковости. Может быть, было взаимное влияние — да.

В.Д.: Может быть.

А.Т.: Постольку, поскольку они рядом работали, вместе работали, и поэтому это естественно, могло быть много общего. Но! Надо сказать, что у Маяковского все, что он делал, он пластически выражал.

В.Д.: До конца... себя...

А.Т.: Себя и эти мысли, связанные с плакатом.

В.Д.: Он идеографичен.

А.Т.: А у Черемных они уже — постольку, поскольку он по природе своей карикатурист, — они уже немножко иллюстративны.

В.Д.: О! Вот это же слово, я только не хотел вам его подсказывать.

А.Т.: Да.

В.Д.: Главное, что там есть иллюстративность.

А.Т.: Иллюстративность. И вот меня лично как художника, который прежде всего видит образ и ищет образ — для меня, конечно, рисунки Маяковского ценнее даже. И я считаю их абсолютно профессиональными в этом смысле.

В.Д.: Ну, вот это мне очень важно.

А.Т.: Абсолютно профессиональными. Понимаете — каким бы он был художником, если бы он не был бы поэтом? Вот так. Можно же задать такой вопрос?

В.Д.: Можно.

А.Т.: Правда?

В.Д.: Да.

А.Т.: Это очень трудно сказать, очень трудно сказать.

В.Д.: Но каким он *стал* художником?

А.Т.: Но, во всяком случае, я вам скажу, что та культура внутренняя, которая у него уже была — понимаете? — и то небольшое, которое он оставил после себя, вот то, что я видел, — конечно, можно было бы с уверенностью сказать, что и художником он был бы интересным, безусловно.

В.Д.: Но только был *бы* или *был*?

А.Т.: И был. И то, что он сделал, это интересно смотрится, особенно сейчас некоторые вещи я снова смотрю часто, у Лили Юрьевны кое-что висит, смотрю, как это выразительно — и по-своему. У него был свой взгляд, у него не было такого абсолютного подражания кому-то, тому времени и так далее, у него был свой ход, свой взгляд какой-то пластический, и он его по-своему выражал. Вот это о нем как о художнике.

В.Д.: Да, мне это очень важно, потому что, понимаете, я не художник...

А.Т.: Да, да.

В.Д.: ... и когда я это говорил, то мне говорили: «Ну, вы — литератор, вы влюблены в Маяковского, живопись — не ваша область, вы тут не понимаете». Вот даже такой — я очень к нему хорошо отношусь — и очень любящий Маяковского литератор Михаил Давыдович Вольпин, он считает: ну да, вот Маяковский поэт, а художник, драматург — это все уж у него второй сорт.

А.Т.: Не-ет.

В.Д.: А по-моему — нет.

А.Т.: Нет-нет, ни в коем случае, это не верно. Вообще, конечно, по этому вопросу люди будут, современники...

В.Д.: Спорить.

А.Т.: ...Маяковского, каждый по-разному будет выражать свои мысли — может быть, даже и искренние.

В.Д.: Скорее всего...

А.Т.: Но это ведь дело индивидуальное — как кто смотрит и как кто воспринимает, понимаете?

В.Д.: И мне ценно, что я с художником совпал. Ведь у меня эта статья называется «Маяковский – поэт и художник». Это немецкая статья**.

* Автобиография и начало разговора об «Окнах РОСТА» (две трети 1-й дорожки) утрачены.

** Majakowski als Dichter und bildender Künstler / Wiktor Duwakin ; [übertr. der russ. Manuskriptes und der Verse Majakowskis von Franz Leschnitzer]. Dresden : Verl. der Kunst, 1967

Александр Тышлер. Иллюстрация к поэме Маяковского «Облако в штанах». 1954. ГМИИ им. А.С. Пушкина

О спектакле по сценарию Катаняна «Они знали Маяковского»

А.Т.: Должен я сказать, что все, что я видел нарисованное Маяковским — и даже в одном моменте в жизни моей я делал спектакль в Пушкинском театре, в ленинградском театре имени Пушкина — спектакль, написанный Катаняном на тему: «Они знали Маяковского»*.

В.Д.: А, я, к сожалению, не видел.

А.Т.: Я делал этот спектакль. И там порталная рама была: радуга (изображена была радуга, объемная такая была радуга), и эти два конца радуги поддерживают рисунки...

В.Д.: ...«Окон РОСТА».

А.Т.: ... рабочий и красноармеец из «Окон РОСТА», нарисованные Маяковским. Это я целиком внес туда – это было очень выразительно.

В.Д.: Хорошо. Жалко, что я это не видел.

А.Т.: Да. Этот спектакль... Маяковского играл Черкасов.

В.Д.: Да, я слышал об этом спектакле.

А.Т.: Слышали, да? Это был очень хороший спектакль.

В.Д.: Но, правда, Черкасова мне ругали, говорили, что он не подходит.

А.Т.: Очень хорош был.

В.Д.: Хорош был?

А.Т.: Ну, знаете, удивительно. Так как это, вообще, очень было трудно: все дело в том, что Черкасов никогда не видел Маяковского, но все, что я мог ему рассказать про Маяковского — сами понимаете, что это очень трудно.

В.Д.: Да.

А.Т.: Я ему подробности рассказал: как он стоял, как он двигался, какие-то характерные движения его, — все это я рассказал, кое-что, может быть, и пошло ему на пользу, но... по росту он подходил, и грим был неплохой. И в какой-то момент какие-то были спектакли, где он был порази[тельно], настолько похож, что мне становилось страшно даже: как такое могло получиться? Но, видимо, это предел напряжения был у него, а в какие-то спектакли он не попадал в это. Вероятно, это очень трудно, так я понял, очень трудно.

В.Д.: Еще бы!

А.Т.: Но, может быть, я не знаю, какие-то другие обстоятельства мешали ему, но думаю, что это. Ну, в общем, спектакль не очень долго держался, он заболел как-то, и дальше спектакль не играли.

В.Д.: Ну, а теперь вернемся: я вам задал вопрос — в связи с тем, что вы в Мелитополе сделали «Окна РОСТА»**...

А.Т.: Да.

В.Д.: ...ну, а потом — армия...

А.Т.: А потом – да.

В.Д.: ...вернулись, приехали в Москву.

* «В конце года, 8 ноября [1954], в Ленинградском Академическом театре драмы имени Пушкина была премьера спектакля отца «Они знали Маяковского». Сначала был написан сценарий для «Мосфильма», он был принят, потом его передали Зархи-Хейфицу на «Ленфильм», они очень хотели его ставить, даже пригласили Н.Черкасова на главную роль, но что-то помешало, и тогда отец переделал его в пьесу и за нее ухватились Черкасов и Вивьен. Душой постановки была Лиля Юрьевна – она отmeld реж. Ансимова, пригласили Н. Петрова, А. Тышлера и молодого студента Родиона Щедрина. Среди актеров Горбачев, Штыркан и др. Спектакль имел успех, долго шел, имел положительную прессу, хотя были и отрицательные отзывы. Спектакль был снят на ТВ. Л.В. Маяковская писала в Ленинградский обком, что ставить эту пьесу – безобразие. Она обиделась, что там нет семьи. Но там не было и Бриков. Пьеса о М. без Л.Ю. А с нею – не прошла бы!» Катанян В.В. Лоскутное одеяло

** «Когда я вернулся из армии в Мелитополь, мы очень голодали. Приезд мой домой был неожиданным для родных. Они думали, что я уже давно сложил где-то свои кости. Мы с молодым писателем Максом Поляновским организовали «Окна РОСТА». Макс писал стихи, я рисовал. На больших фанерах мы писали портреты В.И. Ленина. Я очень здорово научился писать такие портреты. Писали масляными красками. За это нам ничего не платили.» Георгий Анисимов. Великий художник. Об Александре Тышлере (<http://www.lechaim.ru/ARHIV/103/anisimov.htm>)

Переезд в Москву. ВХУТЕМАС и работа с театрами

А.Т.: Потом я почувствовал, что цель моей жизни — это быть художником, и совершенно естественно, я должен уехать и дальше учиться, и я уехал из Мелитополя и приехал в Москву.

В.Д.: И в Москве вы продолжали еще учиться?

А.Т.: В Москве я поступил в...

В.Д.: ВХУТЕМАС?

А.Т.: ВХУТЕМАС, да.

В.Д.: Значит, это в 21-м году?

А.Т.: Ну, я не очень долго там был, потому что фактически делать было мне там нечего, я поступил в мастерскую Фаворского.

В.Д.: Ах, Фаворского.

А.Т.: Да.

В.Д.: А Фаворский преподавал тоже в ВХУТЕМАСе?

А.Т.: Да, Фаворский... Надо сказать, что тогда преподавали там лучшие художники. Там преподавал Кончаловский, Павел Кузнецов. Вас интересует то, что я перечисляю?..

В.Д.: Конечно!

А.Т.: ...преподавателей.

В.Д.: Конечно. Павел Кузнецов. Еще кто?

А.Т.: Лентулов. В общем, лучшие художники Москвы преподавали там.

В.Д.: А вы непосредственно учились у Фаворского?

А.Т.: Да, но я не учился, я очень мало у него учился, я был зачислен к нему в мастерскую, посещал немножко его мастерскую, но, надо сказать, что я очень быстро пошел работать в театр, и уже...

В.Д.: Это в «Ромэн»* сначала, да?

А.Т.: Нет. Нет-нет-нет. Я работал сначала... первый мой спектакль — «Овечий источник» Лопе де Вега — был сделан в Белорусском еврейском театре**.

В.Д.: Ах так.

А.Т.: Да. Который приехал на гастроли в Москву и пользовался огромным успехом. Особенно понравилась моя работа. Вот с этого момента я был...

В.Д.: Профессиональным театральным художником.

А.Т.: ...был перехвачен другими театрами, и я был завален работой и очень много работал в театре. Примерно с 25-го года я работал почти что до последних дней. Вот только последний период моей жизни, лет десять примерно я уже не работаю в театре и не хочу работать, мне она не инте[ресна].

В.Д.: Потому что это утомительно.

А.Т.: Это очень утомительно, и я фактически... но параллельно я занимался станком, я писал, занимался живописью.

* С 1931 г. А. Тышлер работал сценографом в театре «Ромэн».

** 1927 г. — оформление спектакля «Овечий источник» («Фуэнте Овехуна») по Лопе де Вега в Белорусском государственном еврейском театре (БелГОСЕТЕ).

Александр Тышлер. Эскиз декораций к спектаклю «Овечий источник». 1927. ГМИИ им. А.С. Пушкина

Знакомство с Маяковским

В.Д.: Ну, теперь давайте прямо перейдем уже к Маяковскому.

А.Т.: Ну, должен я вам сказать, что с Маяковским, конечно, я был знаком еще в Киеве, то есть не с ним, а с его поэзией. Это было время, когда Маяковский уже был очень популярен, и все его читали, особенно мужчины, у которых был громкий голос, басистый голос, — все старались прочесть и быть похожими на Маяковского. И надо сказать, что это [была] пора увлечения Маяковским, вся молодежь [им увлекалась], особенно в Москве, потому что мы как-то жили Маяковским, все его вечера посещались, ну, я об этом даже и говорить не хочу, потому что это известно, и много раз об этом другие говорили, это записано.

В.Д.: Это не имеет значения. Если вы помните какой-нибудь конкретный вечер, то это все равно нужно фиксировать.

А.Т.: Все мы старались попасть, а главным образом у него выступления были в Политехническом музее.

В.Д.: Нет, простите — вы говорите пока о Киеве.

А.Т.: Да.

В.Д.: Значит, вы там заинтересовались.

А.Т.: Да.

В.Д.: Разрешите, я вам задам тоже вопрос: вы не помните, [какая] книжка вам в руки попала? Вы что, читали «Все сочиненное...»*?

А.Т.: Кое-что мы читали, но я не помню, какая это была книжка, кое-что мы читали, какого плана...

В.Д.: С какого произведения вы начали?

А.Т.: Вот это я не могу вам сказать, но большей частью я слышал чтение. Дело в том, что там была студия Экстер, которую я тоже посещал. Это была такая студия, где сама Экстер собирала лучших и выдающихся людей, которые...

* «Все сочиненное Владимиром Маяковским. 1909–1919». П. 1919, «ИМО»

О студии Александры Экстер в Киеве

В.Д.: Несколько слов о ней. Я не очень представляю себе.

А.Т.: Она очень хорошая театральная художница. Александра Александровна Экстер работала в Камерном театре — делала спектакли, затем она жила в Париже, а в годы революции она жила в Киеве. Я только не помню, когда она приехала из Парижа, но как только она приехала, она организовала студию*.

В.Д.: Художественную?

А.Т.: Художественную, да. Вот и я там у нее работал, и вообще много художников было. Тот же и Рабинович там работал.

В.Д.: Исаак Рабинович.

А.Т.: Исаак Рабинович, да. И другие.

В.Д.: И что, там читали стихи?

А.Т.: И в студию приходил, я помню, — приходил Эренбург, читал свои переводы испанские... ранних испанских поэтов он читал.

В.Д.: Эренбург, значит, Киев, двадцатый год, да?

А.Т.: Да, это вот он был как раз тогда, нет, не двадцатый год был, это был...

В.Д.: До армии? После армии.

А.Т.: До армии. Это был восемнадцатый год примерно.

В.Д.: Восемнадцатый — девятнадцатый, да.

А.Т.: Туда приезжал Шкловский — читал там.

В.Д.: Что же он читал?

А.Т.: Ну, что-то читал, свои какие-то вещи, рассказывал, беседовал. Тугендхольд. Вот его я помню.

В.Д.: Тугендхольд читал об искусстве.

А.Т.: Об искусстве, да. Акс...

В.Д.: Аксенов?

А.Т.: Аксенов... Кажется, Аксенов приезжал.

В.Д.: Какой — вот елизаветинец этот самый?

А.Т.: Нет.

В.Д.: ...или Иннокентий?

А.Т.: Этот, как его — который написал «Пикассо и окрестности».

В.Д.: Это вот этот самый Иван... И.А. Аксенов он, да. Он же и поэт.

А.Т.: Кажется, он умер уже давно.

В.Д.: Умер, давно, я встречался с ним. А кто Маяковского читал или о Маяковском, не помните?

А.Т.: Какая-то молодежь, я сейчас не могу вам вспомнить фамилии этих людей, но какие-то свои, из нашей же среды. Потом мне читали Маяковского

В.Д.: Такого приятеля, который бы вам начитывал Маяковского, не было?

А.Т.: Такого не было, но вот читали его — был там организован такой клуб — назывался «ХЛАМ»*.

В.Д.: А, я о нем слышал что-то.

А.Т.: Да-да, вот в этом клубе...

В.Д.: Как это расшифровывалось?

А.Т.: «ХЛАМ»?

В.Д.: И Юткевич, по-моему, о нем пишет.

А.Т.: Да.

В.Д.: Как это расшифровывалось, вы не помните? «Художества» или... как?.. «литература»? Но это был, вообще, совсем не хламный клуб, он очень...

А.Т.: Нет-нет, было это очень интересно. Туда собирались... туда очень много людей из Москвы приезжало. Я так думаю, приезжали еще просто подкормиться немножко, потому что там было больше хлеба, и можно было действительно... Уже Москва очень в этом отношении поголаживала.

В.Д.: Это между Петлюрой и Пилсудским.

А.Т.: Да. Ну, вот все эти даты — это слабость моей памяти...

В.Д.: Ничего, я просто соотношу.

А.Т.: ...так что вы уже в этом смысле помогите, трудно мне восстановить даты все эти, всё это немножко перепуталось.

В.Д.: Так что после армии вы оказались опять в Мелитополе, а потом в Москве?

А.Т.: Да.

В.Д.: В Киеве вы были до армии?

А.Т.: В Киеве я был до армии, и после армии я уже так, проездом.

В.Д.: Ну, вот я так и понял: в Мелитополе потом [...]. То есть если вы говорите о Киеве, то это значит — примерно до середины двадцатого года.

А.Т.: Правильно, да.

В.Д.: До боев с Пилсудским.

А.Т.: Да.

В.Д.: Так, ну и тогда вы помните, что уже вы читали Маяковского?

А.Т.: Да, мы уже знали. Мы не только читали, мы как-то жили им, жили. Он очень нам нравился, и как-то он связывался у нас с революцией очень органично, вот мы так и не представляли себе другого поэта в этот период. Правда, в это время много читали и Блока.

В.Д.: «Двенадцать».

А.Т.: «Двенадцать», да, — главным образом, конечно, «Двенадцать».

В.Д.: Но... а кстати сказать, Дейнека там тоже в Киеве был, нет?

А.Т.: Нет.

В.Д.: Не был уже. Ну а затем вы приехали в Москву, попали во ВХУТЕМАС, который был тоже весь пропитан Маяковским.

А.Т.: Да. И вот это вот было время, когда мы очень жили Маяковским, посещали все его выступления, если это было возможно; особенно все эти выступления его в Политехническом музее — мы всегда были там.

В.Д.: У вас не осталось в памяти — когда вы его в первый раз увидели? Первая встреча. На вечере прямо или как?

А.Т.: Первый раз я его видел на улице Кирова, так как он жил очень недалеко от меня. Я видел его шествующим очень часто по улице Кирова.

В.Д.: С Лубянского на Водопьяный.

А.Т.: Да, вероятно. С палкой. Зимой он ходил в сером пальто с кенгуровой...

В.Д.: Кенгуровый воротник.

А.Т.: ...был воротник такой.

В.Д.: Короткое пальто.

* Тышлер посещал студию А. Экстер в Киеве в 1917 — 1918 гг.

** Х. Л. А. М — литературно-художественный клуб — арт-кафе, работавшее в начале XX века в Киеве в подвале гостиницы «Континенталь», на углу Крещатика и улицы Николаевской № 5. Название «ХЛАМ» является аббревиатурой первых букв названий творческих профессий: художники, литераторы, артисты, музыканты.

Встреча с Маяковским в Евпатории

А.Т.: Короткое пальто. Летом – в пиджаке и все время – с палкой. Вообще, я должен вам сказать, что вся его фигура мне всегда почему-то напоминает... он мне сам напоминает, не только фигурой, но и лицом где-то, если исключить небольшую выпуклость в носу, на кончике носа, то он очень похож на Аполлона, каким его изображают древние греки.

В.Д.: Да что вы?

А.Т.: И рот, да, и все это. Я вам должен сказать, что был такой случай, когда я приехал в Евпаторию, и это я уже был с ним знаком, и увидел наклеенные афиши, где он выступает. Ну, я, значит, немедленно бросился в гостиницу, которая находилась очень близко, у самого пляжа, зашел к нему, стукнул в дверь, он спросил: «Кто?» Я сказал, кто, и он ответил: «Пожалуйста-пожалуйста». И [я] застал такую картину: он сидел в резиновой ванночке, и женщина ему в дверь просовывала горячие чайники с водой, и он мылся. И я сидел ему рассказывал. Это вот была очень интересная сцена. Я у него спросил: «Так что же вы здесь купаетесь? Ведь рядом море». Он махнул рукой на это море и быстро – он уже заканчивал свою процедуру... Когда он меня увидел, он меня спросил — тут же спросил, — как Лиля, видел ли я Лилю, видел ли я Осю. Я сказал, что я их в день отъезда не видел, но за несколько примерно дней тому назад я их

видел. «Но, вероятно, они не знали, что вы здесь, в Евпатории», и я тоже не знал, я прочел на афише, если бы я знал, я бы, может быть, что-нибудь даже и передал ему. Ну, в общем, мы выпили чаю и вышли на пляж. Он был в таких плавках — в трусиках — и халат купальный — и все, — и мы вышли на пляж. По пляжу мы ходили, и он мне тогда уже напоминал какого-то древнего грека, который ходил в тоге этой. Вот халат он закинул на плечи, и фактически только одно плечо было прикрыто этим халатом, и он шествовал по пляжу, высокий, стройный, и вот, как я говорил, очень — построение рта, построение... за исключением, конечно, волос, потому что летом он всегда брил голову, — он был очень похож на этого самого Аполлона, которого я очень часто рисовал в школе.

В.Д.: Это очень интересно, опять-таки чисто ваше художническое видение.

А.Т.: Да.

В.Д.: А скажите, вот говорили, что он несколько как раз сложен был непропорционально, что были очень короткие ноги.

А.Т.: Нет.

В.Д.: Вы это отрицаете.

А.Т.: Нет, очень был правильный, очень сложен был верно. Ну, я должен сказать вам, что, конечно, я не изучал его анатомию так, понимаете?

Маяковский на пляже. 1928, ГЛМ

В.Д.: Нет, но просто на глаз судя.

А.Т.: Я пробовал... я рисовал, вот мы лежали под навесом после того. Он ни разу при мне в море не заходил, но после небольшого гуляния по пляжу мы ложились под навесом от солнца и, так, рассказывали и играли в игру «на двенадцать вопросов» о великих людях. Вот я ему задумывал, он отгадывал. Надо сказать, что он здорово отгадывал.

В.Д.: А не помните, кого загадывали?

А.Т.: Ну, это я не могу вам сказать. Ну, я отгадывал каких-то великих писателей, художников, он — то же самое. На несколько вопросов я отгадал, несколько — я запнулся и не мог отгадать.

В.Д.: А какие вопросы-то были там?

А.Т.: Это... вам знакома такая игра? «На двенадцать вопросов». Двенадцать вопросов — вы должны узнать этого человека, кто этот человек. Сначала первый вопрос, жив он или не жив, если он жив, то, например...

В.Д.: ...какого он возраста...

А.Т.: ...какого он возраста, когда родился и так далее, там, профессия спрашивается, век, город, вот какие-то двенадцать, — в эти двенадцать вопросов вы должны уложиться и ответить. Если вы не ответили, то вы не отгадали.

Затем мы снова... «Идемте, — говорит, — Тышлер, я вас познакомлю с очень хорошими красивыми девушками, балеринами, они вот где-то там подальше, они на пляже лежат». И мы пошли, и он меня действительно познакомил с молодыми балеринами как будто бы из Большого театра, и сам куда-то...

В.Д.: ...отошел.

А.Т.: ...отошел, но тут же я выяснил, что он сам не был с ними знаком, и меня познакомил с ними(*смеется*). Это получилось смешно очень. А они у меня спросили: «А кто это такой, который вас познакомил с нами?» Я им говорю, что это Маяковский. Они очень смеялись, хохотали, так это было действительно очень смешно и мило, я бы сказал.

В.Д.: Мило. Не грубо было?

А.Т.: Не-ет, боже упаси ... Вообще, должен вам сказать, что у меня впечатление о Маяковском очень какое-то... мне так казалось, может быть, он как-то на меня так смотрел, взгляд у него был такой — он очень добрый человек был, добрый взгляд у него был и очень какой-то ласковый.

В.Д.: Ласковый?

А.Т.: Ласковый. Но вот... Это всегда казалось, что он с трибуны не очень ласковый и очень резко отвечал многим. Но это так кажется, я не чувствовал этой резкости, он остроумно отвечал на всякие реплики, возгласы и даже, я бы сказал, на некоторые абсолютно хулиганские выступления — были по его адресу — и даже с этими людьми он был как-то очень умеренно ласков даже.

В.Д.: Человечен во всяком случае....

А.Т.: Не было у него — никогда не было такой озлобленности. Может быть...

В.Д.: Злобности.

А.Т.: Злобности.

В.Д.: Смех был, сатира была.

А.Т.: Да, да. Потом он вернулся — вот это я очень запомнил, — вернулся с таким Павлом Щёголевым*. Павел Щёголев.

В.Д.: Вот это пушкиновед?

А.Т.: Да.

В.Д.: А он с ним был знаком?

А.Т.: Это сын Павла Щёголева. Сын, он умер тоже. Это муж Ирины Щёголевой.

В.Д.: Нет, я имею в виду автора книжки «Дуэль и смерть Пушкина».

А.Т.: Да, это вот этот.

В.Д.: Это он?

А.Т.: Павел?

В.Д.: Павел, по-моему.

А.Т.: Павел – это он.

В.Д.: По-моему, Павел. Он – Павел Щёголев, да.

А.Т.: Павел Щёголев, да. И мы втроем...

В.Д.: Я не знал, что они знакомы, он значительно старше Маяковского, должно быть, был.

А.Т.: Вот это я не знаю.

В.Д.: Ну, ему тогда уж было, должно быть... Это вы говорите о каком времени, я не знаю. Ну, вообще, что-то около пятидесяти, наверно, может, сорок с чем-то.

А.Т.: Тогда?

В.Д.: Да.

А.Т.: Нет. Меньше.

В.Д.: Сорок с чем-нибудь.

А.Т.: Может быть, и отца зовут Павел? Вот это я не знаю. Это сын Щёголева.

В.Д.: Ах, может быть, сын Щёголева.

А.Т.: Да. Сын Щёголева.

В.Д.: У Щёголева, может быть, был и сын...

А.Т.: Да-да-да, сын Щёголева. И мы пошли в погребок, выпили там пару бутылок вина и разошлись. Вскоре Маяковский оттуда уехал, я еще там долго оставался, и когда я приехал, я Лиле и Осе рассказал о моей встрече с ним, но они уже как будто увидели его после этого. Меня всегда удивляло вот такое... не удивляло, я думаю, что так оно и было, так оно и должно было быть, какие-то очень теплые отношения между ними: между Лилей и Осей, и Маяковским. Я, правда, не могу похвастать тем, что я часто их видел вместе. Я довольно часто бывал у Бриков и тогда, когда Маяковского не было там — ну, не было его там. Но несколько раз я его там встречал. Один вечер был очень такой — он мне запомнился. Мы все сидели за столом, пили чай, ужинали.

В.Д.: Это уже где было — на Гендриковом или еще Водопьяном?

А.Т.: Где музей сейчас.

В.Д.: На Гендриковом, да.

А.Т.: На Гендриковом переулке. И он выглянул из своей комнаты с телефонной книжкой, говорит: «Я вам сейчас прочту оригинальную фамилию». И прочел: Нагорничных. После чего мы страшно хохотали. Ну, видимо, он просматривал телефонную книжку...

В.Д.: Подбирал фамилию.

А.Т.: ...нужна была. Вероятно, он подбирал какую-то для чего-то фамилию.

В.Д.: Александр Григорьевич, вот то, что вы рассказали про Евпаторию — это что же это уже... Он был там дважды.

А.Т.: Да.

В.Д.: Он был там в двадцать шестом году, по-видимому. Даже, может быть, трижды. Или это было последнее уже лето двадцать восьмого года?

А.Т.: Я думаю, что это было где-то около двадцать восьмого года.

* Имеется в виду историк П. П. Щёголев (1903 — 1936), сын пушкиниста П. Е. Щёголева.

У Давида Штеренберга

В.Д.: Так. А давайте немножко вспомним еще раньше. Значит, это первый раз вы его... Вы не стесняйтесь тем, что кто-то может об этом сказать.

А.Т.: Первый раз я с ним познакомился...

В.Д.: Да. Вот виделись вы... В первый раз вы его видели, очень хорошо...

А.Т.: Да. Дальше я его видел очень часто на улице, а познакомился я с ним — я тогда бывал у Давида Петровича Штеренберга.

В.Д.: Он скончался.

А.Т.: Да. У художника Штеренберга. Он тогда преподавал и жил при ВХУТЕИНе — Штеренберг.

В.Д.: Его брат, фотограф, которого...

А.Т.: Да-да. Это его брат, да.

В.Д.: Он около меня живет тоже.

А.Т.: И вот это всеобщие друзья — Штеренберги, Лиля Брик и Маяковский. Вот Маяковский там довольно часто бывал.

В.Д.: У Штеренберга.

А.Т.: Да.

В.Д.: А где тогда жил Штеренберг?

А.Т.: А?

В.Д.: Это когда Штеренберги жили в Полуэктовом переулке на Кропоткинской?

А.Т.: Нет, они жили на Рождественке.

В.Д.: Ах, значит, потом.

А.Т.: При здании ВХУТЕИНа...

В.Д.: Ах, это уже позднее.

А.Т.: Да... *(поправляется)* ВХУТЕМАСа.

В.Д.: А то я вспоминаю гражданскую войну: «Лиля, Ося, я и собака Щеник», а это уже...

А.Т.: Это они жили раньше. То есть в двадцатых годах.

В.Д.: Может быть, двадцатый – двадцать первый. Ага, и вы... Значит, вот, во-первых, о самом Давиде Штеренберге я очень мало что знаю.

А.Т.: Ну, это очень хороший художник, он жил в Париже, и, когда в России произошла революция, он приехал — он был коммунистом, — он приехал и очень...

В.Д.: Был редактором «Искусства коммуны».

А.Т.: Да, был комиссаром искусств, очень был... по работе своей он встречался... с Луначарским был очень близок, знаком и вообще очень много для того времени сделал, это мое такое мнение.

В.Д.: Конечно.

А.Т.: Ну, он попал, конечно, в такую полосу, когда были разные направления художников — все они между собой не очень дружно жили. И...

В.Д.: Отношения его с Маяковским какие?

А.Т.: Очень хорошие. Маяковский очень хорошо относился к Штеренбергу — очень, так как-то, я бы сказал, нежно, то есть то, что я помню очень ласково с ним всегда разговаривал, и... И вот там я и познакомился с Маяковским — у Штеренберга.

В.Д.: Вот расскажите об этом эпизоде.

А.Т.: Там я с ним... Ну, мы сидели за столом, о чем-то... я не могу сейчас вспомнить, о чем мы говорили, ну, вероятно, говорили об искусстве, потому что других тем не было, конечно, тогда. Это был насущный вопрос. И после этого я с ним много раз встречался — и у Бриков, у Гринкрута не раз я его видел. Они играли в карты. Я не играл в карты.

В.Д.: Вы не играли вообще в карты?

А.Т.: Я не играл в карты, не играл.

Рождественка, 11. Здание Строгановского училища, в 1920-е — ВХУТЕМАС (ВХУТЕИН), сегодня — МАРХИ. Фото с pastvu.com

Плакат «Антисемитизм — сознательная контрреволюция»

В.Д.: Вам с ним лично, так сказать, en deux, вдвоем, приходилось разговаривать?

А.Т.: Я разговаривал с ним. Несколько таких было случаев, когда он очень хотел сделать со мной какие-то плакаты для здравоохранения, но так как я очень был занят театром, я не очень охотно соглашался на это дело, но все же с Маяковским мне всегда интересно было бы сделать плакат, но как-то чего-то не получилось там.

В.Д.: Так что ни одного вашего плаката с текстом Маяковского нет?

А.Т.: Нет-нет. Есть один плакат, который вышел, но это был специа[льный]... это было... Когда была организация ОСТ, художественная организация ОСТ, в которую я входил, мы тогда выпустили такой плакат по антисемитизму. Я бы даже сказал, что этот плакат был подсказан Маяковским. Вот он как-то сказал: вы бы выпустили такой плакат, а я вам текст сделал бы.

В.Д.: Да, у него было стихотворение «Жид».

А.Т.: Да.

В.Д.: И другие были.

А.Т.: Ну, мы такой плакат... Мне поручили этот плакат сделать. Долгое время мы тянули, как-то организационно было это трудно сделать, но все-таки сделали. Я сделал эскиз, и его очень быстро напечатали. Когда дошли до текста, то Маяковского не оказалось в Москве, он был за границей, куда-то он выехал. Ну, я не могу поручиться за то, что он был за границей, но куда-то надолго уехал, и мы тогда весь этот текст взяли из «Ленина». И этот плакат был напечатан, он есть, то есть он где-то был, разошелся. Я не знаю. Ну, в общем, был, да.

В.Д.: Это тоже уже двадцать восьмой или двадцать девятый год, да?

А.Т.: Это даже... да, попозже немножко как будто было.

В.Д.: Ну, позже двадцать девятого — куда же уже, там уже конец.

А.Т.: Ну, что-то в этом роде. Может быть, даже раньше... раньше было, да-да. Вот. Маяковский погиб когда?

В.Д.: Четырнадцатого апреля тридцатого года.

А.Т.: В тридцатом году, да.

В.Д.: Значит, вы с Бриками... вы с Маяковским встретились у Штеренберга.

А.Т.: Да.

В.Д.: С Штеренбергом вы были знакомы раньше?

А.Т.: Раньше, да. Раньше.

Александр Тышлер. Плакат «Антисемитизм — сознательная контрреволюция». 1928. ГМИИ им. А.С. Пушкина

Борьба между ОСтовцами и АХРРовцами. Брики и художественная жизнь Москвы

В.Д.: Вы ведь, подождите-ка, участвовали в... ах нет, это уже посмертно в «Мистерии-Буфф» вы участвовали.

А.Т.: Это я да.

В.Д.: Это уже с Плучеком.

А.Т.: Да, с Плучеком*.

В.Д.: А тут в оформлении спектаклей Маяковского вы не принимали участия?

А.Т.: Нет.

В.Д.: И вы — ОСТ. ОСТ — Общество художников-станковистов, ОСТ был по своей позиции враждебен... он был, так сказать, более профессиональным...

А.Т.: Более современный, более передовой.

В.Д.: Чем АХРР.

А.Т.: Да, чем АХРР.

В.Д.: Но, в общем, ЛЕФ его тоже не признавал, да, ОСТ?

А.Т.: Нет.

В.Д.: Поскольку ЛЕФ отрицал станковую картину вообще.

А.Т.: Ну, это не имело никакого значения. Вы знаете, да, тогда было такое время, когда-то что-то отрицал, а между собой они сохраняли дружественные отношения, вы понимаете? Так что это... Ну, например, Родченко – он отрицал живопись.

В.Д.: Совсем.

А.Т.: Совсем.

В.Д.: И Третьяков тоже.

А.Т.: Да, и Третьяков. Но это не мешало мне с ним быть в дружественных отношениях. То же самое и с Лавинским. А потом Родченко снова вернулся к живописи. Тут надо считать, что очень многое можно отнести за счет молодости, некоторой неустойчивости, ну, и вообще это было характерно для того времени.

В.Д.: Ага... Мне не совсем ясно вот что. Ну, вот вы пошли к Штеренбергу. Значит, вы попали... как вы попали в ВХУТЕМАС? Мало там сравнительно были, но как вы вошли в эту среду, через кого?

А.Т.: Через Штеренберга. Я уже был художником.

В.Д.: Вы приехали уже художником?

А.Т.: Я уже и приехал художником, а там я уже успел себя проявить, и меня уже узнали как художника, и мы познакомились.

В.Д.: Ваш дебют в театре — это какой год?

А.Т.: А затем Штеренберг... когда организовалась группа ОСТ, Штеренберг был председателем этой группы.

В.Д.: Штеренберг был председателем ОСТа?

А.Т.: ОСТа.

В.Д.: Это уже двадцать четвертый год, вы говорите?..

А.Т.: Да.

* 1957— оформление Тышлером пьесы В. Маяковского «Мистерия-буфф» в Московском театре сатиры (режиссер В.Н. Плучек).

ОСТовцы: нижний ряд — неизвестный, Д. Штеренберг, Н. Шифрин; верхний ряд — М. Аксельрод, П. Вильямс, А. Лабас, А. Тышлер. Фото. Конец 1920-х гг.

В.Д.: 24-й год. В это время вы еще с Бриками не были знакомы?

А.Т.: Очень скоро я с ними познакомился.

В.Д.: Вас Давид Петрович познакомил?

А.Т.: Да, да, у Штеренберга, да.

В.Д.: То есть вы встретили у него Лилю Юрьевну с Маяковским или Осипа Максимовича...

А.Т.: Да, да. Ну, во-первых, так: они бывали... надо сказать, что Осип Мартынович...

В.Д.: Максимович.

А.Т.: Максимович, простите.

В.Д.: Мартынович — это Бескин.

А.Т.: Да, это Бескин, да. Осип Максимович — он очень интересовался жизнью молодежи, он посещал все выставки — и Лилия тоже. Не было такой, например, ОСТовской выставки, на которой бы не было бы и Лили, и Оси. Брик был абсолютно в курсе жизни — художественной жизни Москвы, по крайней мере. Он все знал, всех художников знал, и, надо сказать, что меня поражали всегда его точные определения, он очень понимал.

В.Д.: Живопись?

А.Т.: Живопись, очень понимал. Я даже не могу понять, откуда, это природное, наверное, он сам не художником был. Наверно...

В.Д.: Не художник <нрзб>...

А.Т.: Он великолепно чувствовал художника, очень. И если появлялось что-нибудь талантливое — это вообще свойственно было этому дому, — как только появлялось что-то очень выразительное и талантливое, это не могло пройти мимо. Это отмечалось...

В.Д.: Это удивительно.

А.Т.: ...отмечалось, это удивительно, насколько: они как сторожа были, они не могли пропустить какое-то явление, это должно было быть замечено и оценено — и причем очень как-то доброжелательно. Поэтому должен я вам сказать, что когда сейчас слышишь или читаешь какие-то отзывы, особенно о Брике и Лиле, меня очень это...

В.Д.: Коробит?

А.Т.: Не то, что коробит, я очень переживаю — и переживаю это как неправду. Тут дело не в субъективном восприятии людей, понимаете ли, потому что можно по-разному относиться, — я, насколько я наблюдал и бывал у них в доме, меня всегда поражало то, что эти люди не жили своей личной жизнью, а они всегда...

В.Д.: Это интересно.

А.Т.: ...всегда жили людьми, которые могут что-то сделать, могут что-то сказать — ценное, интересное. И все это ими замечалось, и если бы у них были возможности, они бы обо всех книжки печатали. Ну, надо сказать, что они все же находили только передовое. А там, где была реакция, там, где был застой (было, все это было тогда!), — это было ими отвергнуто и очень даже активно.

В.Д.: Ну, кого вы имеете в виду — вот среди таких отвергаемых?

[пауза]

В.Д.: Александр Григорьевич, а что вы имеете в виду под реакционными... с кем вы наблюдали отрицание со стороны [Бриков]??

А.Т.: Ну, тогда уже...

В.Д.: ...в искусстве, в литературе?

А.Т.: Ну, это я так, персонально, сейчас и не помню, какие-то люди выступали, я их фамилии не помню, — может быть, потому, что я и не интересовался этим. Ну, тогда уже зарождался АХРР по линии изобразительного искусства. Ну, естественно, мы спорили, мы очень много отвергали — то, что они делают и делали. Когда наши споры... Их было очень много, надо сказать, многочисленная была аудитория. Они были и старше нас по возрасту, и были опытные, а мы были молодые, и нам сражаться было с ними довольно трудно (то есть сражение это было чисто словесное, конечно: каждый из нас доказывал, что мы правы, а не они). И вот, когда нам было очень трудно это, мы обращались за помощью к Маяковскому. Вот мы звонили — в частности, и я однажды позвонил, и он пришел к нам... Он никогда не отказывал.

В.Д.: Что — на диспут пришел?

А.Т.: Да. Он приходил...

В.Д.: Диспут между кем и кем?

А.Т.: Между ОСТовцами и другими левыми направлениями — с АХРРовцами.

В.Д.: ОСТ ведь левым считался, да?

А.Т.: А? Левый, да.

В.Д.: ОСТ левый был.

А.Т.: С АХРРом.

В.Д.: Я был на выставке ОСТа — был, помню.

А.Т.: Ну, и, значит, появлялся Маяковский — сзади, стоял молчал-молчал, ждал, когда оратор... ну, АХРРовский какой-нибудь представитель говорил неверные вещи с нашей точки зрения, — Маяковский двумя репликами останавливал оратора под шумный хохот и аплодисменты, и после этого никто

уже не мог из них выступить. И он тут же уходил. И этим он нам очень помогал. И он сам разделял эту нашу точку зрения.

В.Д.: Это вы говорите, так сказать, уже о борьбе более широко.

А.Т.: Да.

В.Д.: А если немножко вернуться к квартире Бриков и тем разговорам, которые там велись, — тут я просто хочу проверить одну вещь...

А.Т.: Да.

В.Д.: Вы ведь знакомы были с Анной Андреевной Ахматовой?

А.Т.: С Анной Андреевной Ахматовой был, да, знаком, я ее рисовал.

В.Д.: А вы Брика отзывы о ней и Мандельштаме не слышали?

А.Т.: Нет.

В.Д.: Мне тут говорили, что Брик — даже, кажется, при ком-то из них — назвал их внутренними эмигрантами.

А.Т.: Не знаю. Я вам скажу, что многое могли говорить, и разное, и плохое, надо, вероятно, знать подробности и какие-то моменты — что толкало людей на такое высказывание? Ну, сейчас это очень трудно определить. Я, например, совершенно объективно могу сказать, что мне очень нравилось идти туда, увижу я там Маяковского или не увижу, мне уже было это все равно, но мне было приятно, когда я приходил в этот дом. От самого Брика веяло каким-то таким... такой жизнью, такой фантазией, необыкновенной... это был человек огромной фантазии. Он всегда: «Тышлер, а вам не приходило в голову нарисовать такую-то вещь? А вы не хотите... вы знаете, вот мне пришла такая мысль». Это удивительно. Кто из нас сейчас скажет художнику такие вещи?

В.Д.: Щедрым он был, да.

А.Т.: Щедрым, удивительной щедрости. По всей вероятности, он творчески... самому ему было трудно все это сделать — или написать, или как-то осуществить, — он предлагал это другим, понимаете ли, как-то заражал других. Я ничего, никогда ничего плохого из его уст и из уст Лили Юрьевны Брик не слышал. Это был удивительный дом. К сожалению, я такого дома сейчас не вижу, его нету. Хотя сейчас Лилю посещает очень много людей, друзей, и много новых. Она очень живой человек и... До сих пор, при ее таком уже преклонном возрасте, она бывает на всех выставках, какие только есть, если она хорошо себя чувствует, она читает все книги, которые более-менее интересные, значительные, которые выходят, она читает все газеты, она интересуется абсолютно всей жизнью культурной нашей страны. И я должен сказать, что к ней большая тяга, и в то время, когда еще жил Маяковский, она сама привлекала очень много к себе людей, и все шли туда с большим удовольствием, и я удивился, когда я прочел...

В.Д.: Лавинскую, да.

А.Т.: ...Лавинскую. Они все ведь не выходили из этого дома. Одно из двух: или, если была так противна Лилия Юрьевна, то не ходите туда.

В.Д.: Нет, но это как итог там об этом говорится.

А.Т.: Как итог, но все равно.

В.Д.: Я эту книжку* не читал, я черновик пятнадцать лет назад читал.

А.Т.: Но все равно.

В.Д.: Вы много бывали там?

А.Т.: Нет, я много бывать не мог, потому что был очень занят, но я бывал, приходил.

В.Д.: Как вы считаете, она сама — талантливый человек?

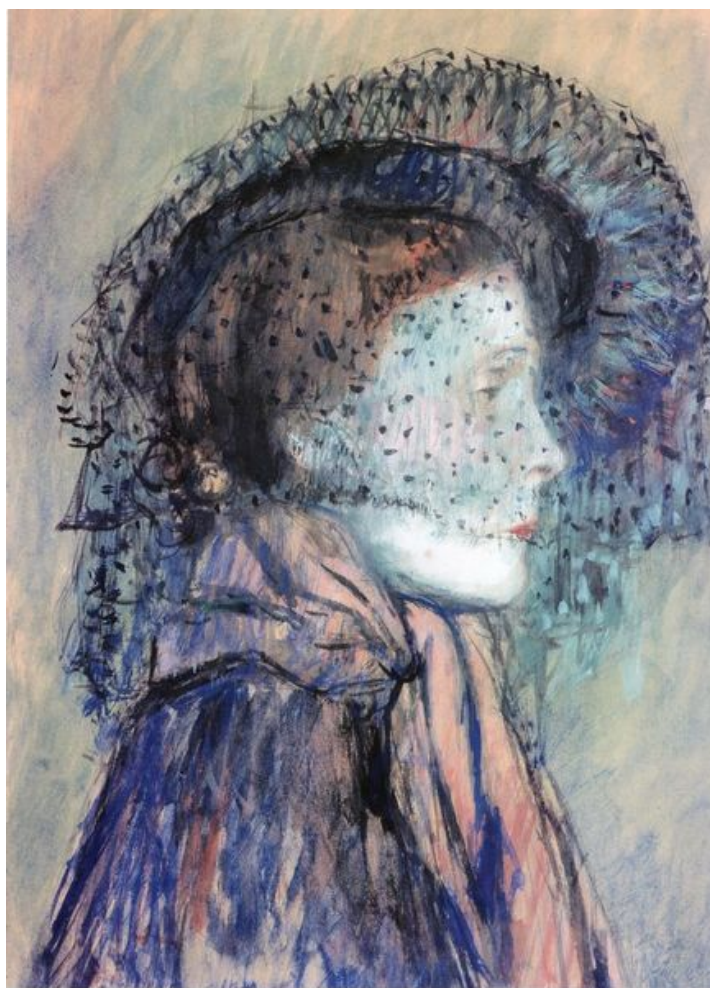
А.Т.: Кто?

В.Д.: Лиля Юрьевна.

А.Т.: Лиля Юрьевна — очень талантливый человек, очень умный человек и очень бывает остроумна. Если с ней посидеть (усмехается) и записать — так, чтоб она, конечно, не знала, что ее записывают, — вы запишете ряд замечательных остроумных высказываний — очень живой человек. И самое интересное, самое, с моей точки зрения, — это человек, который понимает искусство, особенно она очень понимает изобразительное искусство. Это очень редко. Я встречаюсь с некоторыми нашими интеллигентными людьми, они не художники, они математики, физики, но они... им мешает непонимание такого важного искусства как изобразительное.

В.Д.: Да.

* Лавинская Е. Воспоминания о встречах с Маяковским// Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. М., Московский рабочий, 1968

Александр Тышлер. Портрет Лили Брик. 1940

О понимании изобразительного искусства, музыки и поэзии

А.Т.: Мне кажется, что человек... Ну, есть у нас, конечно и художники, которые мало понимают

в изобразительном искусстве.

В.Д. (смеется): Да.

А.Т.: Как это ни странно, это парадоксально, но так, их много. Это не потому, что они принадлежат определенному направлению, а потому что...

В.Д.: Это от Бога.

А.Т.: ...Вкус. Вкус — это большое значение имеет, когда и сам художник обладает вкусом, и зритель, который видит, тоже обладает вкусом, тогда... И вот для меня очень важно — если человек чувствует и видит, и понимает изобразительное искусство, я очень верю этому человеку, вообще я ему верю, ему доступно тогда очень многое. Вот, это моя точка зрения. Может быть, она очень такая какая-то...

В.Д.: Конечно, по-своему тоже партийная.

А.Т.: Да, партийная, может быть, но вот как-то я заметил, что человек, который разбирается по-настоящему в изобразительном искусстве, — он какой-то, в хорошем смысле этого слова, передовой человек, его не застанешь врасплох никакой новой или не новой литературой... и даже по линии музыки. Это я заметил.

В.Д.: Ну, музыка-то и изобразительное искусство все-таки, по-моему, очень...

А.Т.: Очень близки.

В.Д.: Да?

А.Т.: Очень, да. Это два самых близких друг другу вида искусства.

В.Д.: Потому что Маяковский для меня — это искусство, это стих и живопись. Вот с музыкой — это я в первый раз [...].

А.Т.: Вообще должен я вам сказать, что несмотря на то, что все виды искусств — они по-разному выявляются людьми, но между всеми искусствами есть что-то очень сходное и похожее.

В.Д.: Ну, принцип эстетического переживания.

А.Т.: Чувство музыки абсолютно имеется всюду — и не только в самой музыке, но и в литературе, и особенно в живописи.

В.Д.: Да, но тут всюду, конечно, нужно развивать и учиться.

А.Т.: Понятно.

В.Д.: Да. А вы лично — вы в стихе живете или уж это осталось в молодости?

А.Т.: Нет, я ...

В.Д.: Ну, в позднейшую жизнь, в стихе живете? Для вас это осталось живым и необходимым искусством или осталось только как воспоминание?

А.Т.: Стихи?

В.Д.: Да.

А.Т.: Да. Я абсолютно слежу за поэзией и читаю ее, и очень люблю читать стихи, очень. Ну, конечно, я не все проглатываю...

В.Д.: Ну, это и не нужно.

А.Т.: И многое мне не нравится, и я не люблю, но очень многое мне очень нравится, и я за таким поэтом очень слежу, и интересуюсь, и его читаю. Так как у меня, вообще, память плохая, но я хотел бы, конечно,

многое читать наизусть, но я не помню, мне трудно запомнить сразу.

В.Д.: У меня на стихи была абсолютная память.

А.Т.: Да.

В.Д.: ...и Маяковского я помнил <нрзб>.

А.Т.: Ну, у меня была когда-то память неплохая, но в силу профессиональности моей...

В.Д.: Другой.

А.Т.: Да... И я не развивал память свою, поэтому...

В.Д.: Александр Григорьевич!

А.Т.: Да.

В.Д.: Так что, скажем, Маяковский для вас — не только воспоминание юности, а сейчас для вас как читателя, как человека искусства, он для вас остался живым явлением? Ведь сорок лет прошло.

О памятнике Маяковскому в Москве

А.Т.: Мне даже иногда кажется... я настолько его вижу, настолько он врезался мне в память — и, я бы сказал, пластически как-то врезался, как монумент какой-то он врезался, — что я его до сих пор очень ясно вижу и даже слышу. Чего не могу сказать про памятник, который поставили*.

В.Д.: Плохой?

А.Т.: Плохой. Он плохой.

В.Д.: Он, так сказать, вытесняет...

А.Т.: Он плохой. Он плохой по всем признакам памятников, если можно так выразиться. Ну, конечно, я абсолютно уверен, что Маяковский, если где-то как-то про себя и думал, что ему будет поставлен памятник, то он его... не думал в таком виде, в каком его сейчас поставили. Меня удивило то, что это где-то похоже на Маяковского, но это же не достаточно для...

В.Д.: Похоже все-таки?

А.Т.: Он похож да, он похож, но, я бы сказал, похоже только лицо. Все остальное... Но так как скульптор его лично и не видел, и так вот строил это по... ну, это не важно... где-то он ему сделал слишком длинные ноги, больше, чем нужно, где-то маленькая голова — значительно меньше по отношению ко всему туловищу.

В.Д.: А так не было?

А.Т.: Так не было.

В.Д.: У него не было маленькой головы по отношению?..

А.Т.: Нет, нет, он очень был пропорционален.

В.Д.: Вот мне очень интересно было то, что вы говорили — как вы его видели там нагишом, и на пляже, вот эти...

А.Т.: Очень красивый был.

В.Д.: ...ассоциации с Аполлоном меня очень удивили.

А.Т.: Да, да, очень...

В.Д.: Это очень, конечно... как свидетельство художника это очень ценно.

А.Т.: Да. Единственное плохо то, что он... его хотели многие рисовать, но он не очень...

В.Д.: Не давался.

А.Т.: Не давался, да. Некогда ему было сидеть, и он был слишком живой человек, чтобы просидеть два-три часа, понимаете ли, это для него... он должен был действовать, делать что-то, двигаться, если не ногами, то руками.

В.Д. (вздыхает): ...Даже в кино как следует не засняли.

А.Т.: Да. Ну, что ж, так вот в жизни... От того, что мы не засняли Тургенева, — от этого наше отношение и восприятие Тургенева... ничего не изменилось.

В.Д.: Тургенева писали портреты, тогда другого ничего не было.

А.Т.: Ну, и что же? Сейчас напечатали несколько портретов фотографических человека в бороде...

В.Д.: Ага, он уже... фотография уже была.

А.Т.: Уже фотография была.

В.Д.: В конце жизни.

А.Т.: Самое интересное другое, что я как-то по радио лет десять или пятнадцать тому назад или, может двадцать, не помню — передавали запись Виардо, пение Виардо было уже записано.

В.Д.: На что? На граммофон? Ну, фонограф уже был эдисоновский.

А.Т.: На пластинке это было, да. У нас передавали.

В.Д.: Ну, это была, очевидно, запись на эдисоновский фонограф.

А.Т.: Вероятно. Ну, очень неплохо это сделано.

* Памятник Владимиру Маяковскому установлен в 1958 году в Москве на площади Маяковского (Триумфальная площадь). Авторы — скульптор Александр Кибальников и архитектор Дмитрий Чечулин.

«Дювлам» и «Чистка поэтов»

В.Д.: Да... Александр Григорьевич, мне все хочется непосредственно... вы такими вбросками интересно очень говорите. О Маяковском я лучше буду сохранять вашу композицию. Ваша точка зрения.

А.Т.: Ну, я считаю, что, видите, если бы я об этом, например, писал воспоминания, то я бы придерживался какой-то последовательности.

В.Д.: Да нет, это не обязательно.

А.Т.: А сейчас я не могу... сейчас [нужно] вспомнить целый век, можно сказать.

В.Д.: Да.

А.Т.: Я не подготовлен к этому. Если бы я до этого написал бы такую шпаргалку, что за чем следует...

В.Д.: Это не обязательно.

А.Т.: Я считаю, что это не нужно.

В.Д.: Да, не обязательно.

А.Т.: Вы мне задаете вопросы — я что-то вспоминаю. Все высказать я вам все равно не сумею.

В.Д.: Да.

А.Т.: Это, может быть, можно сделать в два, в три или, может быть, даже в четыре приема.

В.Д.: Да. Я хочу еще, так сказать, активизировать некоторую <нрзб> вашей памяти. Значит, вы рассказали — увидели, очень хорошо вышло, теперь еще... встреча в Евпатории, значит, вы много раз его видели на эстраде.

А.Т.: Да.

В.Д.: Во-первых, я хочу вместе с вами подумать, когда вы его впервые увидели читающим? Значит, Евпатория — это уже в конце. Все-таки первое впечатление должно было у вас остаться. В ВХУТЕМАСе или в Политехническом? В ВХУТЕМАСе вы его слышали? Он же там выступал, не один раз.

А.Т.: Нет, я его в ВХУТЕМАСе не слышал.

В.Д.: Не слышали.

А.Т.: Не слышал. Ну, может быть, случайно я его не слышал.

В.Д.: Ну, конечно... Там был этот первомайский вечер... 1922 года.

А.Т.: Вот я один раз его слышал — это когда он, значит, в Политехническом музее, — только вот я точно не помню, первый раз я его это слышал или это был уже второй раз.

В.Д.: Значит, так, особенно первый раз не выделился?

А.Т.: Он, может быть, и выделился, только я не помню, первый ли это раз, понимаете ли? Я помню, что...

В.Д.: Ну, вот то, что вы хотите рассказать... вам запомнилось.

А.Т.: Да.

В.Д.: Ну, давайте. Это какой же вечер был?

А.Т.: Это был вечер в Политехническом музее. По-моему — но вот тут я путаюсь, может быть, это и второй раз был, — была развешена афиша по городу, которая называлась «Дювлам»*.

В.Д.: Ах, вы были на «Дювламе»?

А.Т.: Да.

В.Д.: Вот. Это совершенно конкретный точно известный «Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского».

А.Т.: Да.

В.Д.: Это двадцать первый год .

А.Т.: Но «Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского», по-моему, не было написано.

В.Д.: Да, «Дювлам» было — больше ничего.

А.Т.: Было «Дювлам». Это озадачило весь город. Все читали: «Дювлам»...

В.Д.: ...и не понимали...

А.Т.: ...а что это такое — «Дювлам», — никто не знал. И только уже я, например, в Политехническом музее уже узнал, что «Дювлам» — это «Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского».

В.Д.: Вы были на нем?

А.Т.: Я был на нем.

В.Д.: Вот все, что помните о нем, расскажите.

А.Т.: Это был очень интересный вечер.

В.Д.: Это редкий вечер.

А.Т.: Это был очень интересный вечер, он читал свои вещи, и по заказу, просили читать то-то и то-то, ну, конечно, обязательно читали ... «Пушкина»... А, не...

В.Д.: Подождите-подождите. Минуточку-минуточку.

А.Т.: ...не «Пушкина», а...

В.Д.: Нет. «Левый марш» читали?

А.Т.: «Левый марш» читал он. «Левый марш» читал.

В.Д.: О Пушкине не могли читать, потому что это написано позже, — а вот «Солнце», наверно?

А.Т.: «Солнце»! Не о Пушкине, а «Солнце»...

В.Д.: Ах, Пушкино. Акуловая гора...

А.Т.: «Солнце».

В.Д.: ...В этом смысле Пушкин.

А.Т.: Вот это.

В.Д.: «Необычайное приключение...»

А.Т.: Длинный был вечер, потом был...

В.Д.: Он что — весь вечер занимал сам на эстраде?

А.Т.: Сам.

В.Д.: Никто больше не выступал на этом юбилее?

А.Т.: Ну, кто-то еще выступал, Крученых выступал, по-моему, еще кто-то выступал, но это я даже и не помню, но очень хорошо помню, что у него был вечер длинный, такой очень содержательный, интересный. Были, конечно, и свистки, были и ругательства, были выступления — не с эстрады, а с мест всякие, были записки, конечно, в огромном количестве, хамские всякие, грубые, невежественные записки были, но таких вещей было довольно мало, потому что в основном аудитория была его, за него, его очень любили. Мы все его любили, попасть на его вечер — это было всегда мечтой молодого человека, который жил в это время поэзией, а не чем-то другим, понимаете?

Был такой вечер, где он тоже выступал, тоже в Политехническом музее, — такой дискуссионный, что ли, был у него стиль вечера. И на нем вступил Есенин. Маяковский очень...

В.Д.: Может быть, это была «Чистка поэтов»**?

А.Т.: Может быть, я не помню, очень может быть; а может быть, и нет. Где Маяковский очень критиковал поэму Есенина «Степан Разин».

В.Д.: Это вы путаете.

А.Т.: Да? Путаю?

В.Д.: Потому что «Степан Разин» написан Каменским.

А.Т.: Не «Степан Разин»...

В.Д.: «Емельян Пугачев».

А.Т.: «Пугачев». Извините, да-да, извините. Вот «Пугачева». Это я помню хорошо. «Пугачева», это я ошибся, извините. «Пугачева» он критиковал за повторность некоторых слов его, все время он там...

В.Д.: Это безусловно была «Чистка поэтов», потому что на «Чистке поэтов» он именно так делал: он читал стихи наизусть чужие и потом их разносил.

А.Т.: Но вдруг раздался...

В.Д.: Значит, Маяковский читает текст поэмы Есенина, да?

А.Т.: ...«Пугачев». И критикует его за повторность. Действительно, эти повторности имеются, но я не специалист этого дела, и мне лично...

В.Д.: Нравится.

А.Т.: ...не то что нравится — мне это не мешает; видимо, так Есенину нужно и было. Для музыки, для...

В.Д.: «Дорогие мои!.. хорошие!», да?

А.Т.: Ну, что-то такое — несколько слов: «дорогие-дорогие-дорогие», — примерно я так говорю.

В.Д.: «Дорогие вы мои, хорошие!»

А.Т.: Много раз одно слово повторяется по два — по три раза. И по этому поводу Маяковский высказал свои критические замечания. Но в это время Есенин находился не на эстраде, а в самом конце зала.

В.Д.: Это было в Политехническом?

А.Т.: В Политехническом, да.

В.Д.: И Маяковский не знал, что он находится там?

А.Т.: Вероятно, не знал. И вот раздался голос Есенина, который сделал несколько шагов вниз, чтоб его слышно было, вероятно, и сказал — крикнул: «Вы бы, Владимир Владимирович, научились грамоте!» *(Смеется)*.

В.Д.: Грамоте?

А.Т.: Да. Это вызвало такую реакцию смеха, было очень смешно, и что-то он еще сказал так...

В.Д.: Смех в поддержку Есенина или над ним?

А.Т.: Нет, над ним был такой, конечно, смешок. Маяковский ему что-то — что, я уже не помню, — он ему ответил, это было очень молниеносно, и на этом такая перекичка между Есениным и Маяковским — как-то все это быстро сменилось, и Маяковский перешел на другую тему. Вот, это я запомнил. Но такая стычка была не злая. Не злая. Это для того времени, и особенно на вечере Маяковского, это было довольно лирически, с моей точки зрения. Ничего такого.

В.Д.: И публика до драки не дошла?

А.Т.: Нет-нет, этого не было.

В.Д.: А потом ведь было так, как на вечере...

А.Т.: Было все-таки, да?

В.Д.: ...конструктивистов.

А.Т.: Да?

В.Д.: Мордобоем кончилось. А если это была «Чистка поэтов», не помните, кого он еще «чистил»?

А.Т.: Я помню, он чистил... ничевоков... Над ними просто смеялся, — ничевоков, имажинистов.

В.Д.: А из имажинистов кто был?

А.Т.: Был Мариенгоф.

В.Д.: Ну, вот видите, вы еще много чего помните.

А.Т.: Да.

В.Д.: А какие стихи он читал, не помните?

А.Т.: Я не помню.

В.Д.: «Твердь, твердь, вихри вздыбим!»

А.Т.: Не помню, не помню, нет.

В.Д.: Был Мариенгоф. И как Мариенгоф держался? И какой он из себя? Вы очень здорово внешность людей описываете.

* Дювлам – Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского, назначенный им самим на 1921 год. Хотя первые профессиональные, по его собственному определению, стихи он написал только осенью 1912 года (до середины ноября) и напечатал в декабре того же года (в «Пощечине общественному вкусу»), но отсчет вел от несохранившейся тетрадки, исписанной стихами в одиночке Бутырской тюрьмы (18 августа 1909 – 9 января 1910 г.). Юбилейный вечер «Дювлам», о котором вспоминает Тышлер, прошел в Москве, в Большой аудитории Политехнического музея, 19 сентября 1921 года. Еще один вечер состоялся 15 декабря 1921 года в Харькове, в Героическом театре.

** Вечера «Чистка современной поэзии» прошли в Политехническом музее 19 января и 17 февраля 1922 года.

О Мариенгофе

А.Т.: Мариенгофа я очень хорошо знал, потому что он уже впоследствии стал моим близким другом. И пользуясь случаем записи, я должен сказать, что это великолепный был человек и, с моей точки зрения, очень талантливый.

В.Д.: Интересно.

А.Т.: Но удивительно невезучий. Последнее время его же... незадолго до его смерти его очень тревожили и очень обижали, и что бы он ни написал, даже если это было хорошо, все равно было предвзятое мнение. Такая уж у него была судьба.

В.Д.: Он ведь либретто писал, да?

А.Т.: Он многое делал, многое делал. Вот я слышал, что... не знаю, может быть, сейчас это остановили, печатание его книги, но много интереснейших вещей. Я главным образом о стихах не говорю, а вот я знаю некоторые пьесы его, чисто сатирического такого... очень талантливые. И вообще, человек был, по-моему, какой-то интересный. Я с ним довольно часто встречался, потому что приезжал в Ленинград — он жил в Ленинграде.

В.Д.: Очень интересно.

А.Т.: Я приезжал в Ленинград, там я делал спектакли, работал в театрах. И он бывал у меня в гостинице, заставлял меня всегда рисовать при нем. Я вот становился и чего-то рисовал. Кое-что я ему дарил.

В.Д.: Он написал в последние годы жизни очень интересные мемуары.

А.Т.: Да.

В.Д.: Читал их в Литературном музее.

А.Т.: Я эти мемуары слышал, он читал мне их, — не только мне, целой группе: он читал мне, скульпторше Саре Лебедевой, которая умерла недавно, и еще кто-то был. Всегда его сопровождала его жена, Никритина.

В.Д.: А какова судьба этих мемуаров, вы не знаете?

А.Т.: Я не знаю, я не знаю. Это все... мемуары — это все должно было войти в книгу, по-моему, а может быть, отдельной книжкой, но сейчас в каком положении вся его литература я не знаю*.

В.Д.: Он вообще, кажется, очень изменился потом, с возрастом...

А.Т.: Он очень болел и очень много работал... Писал, делал пьесы — их не принимали. А если принимали, то после даже успешного представления их быстро закрывали.

В.Д.: Ну... но он не бедствовал, у него, по-моему, какие-то были либретто, которые шли...

А.Т.: Нет, он не бедствовал, что-то он делал...

В.Д.: Я помню... я только кусочек маленький слышал, где он говорил о Есенине ...

А.Т.: Мариенгоф тоже очень понимал изобразительное искусство, и мало того, что он понимал, он любил, — очень любил и понимал.

В.Д.: А у вас с ним... ну давайте, раз уж о Мариенгофе... у вас с ним о Маяковском не было ретроспективных разговоров?

А.Т.: Нет, я не помню, вероятно, были, но не знаю. Но он к Маяковскому хорошо относился, из его уст я никогда не слышал ничего такого.

В.Д.: Он не злобствовал, как обиженный?

А.Т.: Никогда в жизни этого не было, никогда.

В.Д.: Потому что Маяковский ему давал довольно сильные затрецины.

А.Т.: Ну что же? Маяковский очень многих лягал, если так можно выразиться...

В.Д.: Затрецины давал.

А.Т.: ...Затрецины давал, но это не мешало ему сесть за столик и выпить пива.

В.Д.: Я спрашивал, что не говорил... не было у него такого раздражения на Маяковского?..

А.Т.: Нет, никогда, никогда не было раздражения.

В.Д.: Маяковский, извините, после такой...

А.Т.: Да, что Маяковский мог, грубо выражаясь, покрыть какого-нибудь писателя или критика, кого-нибудь там, кому он не понравился, за его произведения, никогда не касался личности непосредственно.

В.Д.: В смысле каких-то сплетен, да?

А.Т.: Сплетен, да, этого никогда не было. И тут же он мог с тем человеком сесть и выпить пива или вина, или вообще за столиком сидеть вместе и болтать.

* В 1953—1956 г Мариенгоф написал автобиографическую книгу «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги». После смерти Мариенгофа была опубликована ее сокращенная и приглаженная цензурой версия («Роман с друзьями»: журнал «Октябрь», №№ 10—11, 1965), а в полном виде книга вышла только в 1988 году («Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Роман без вранья. Циники»).

Анатолий Мариенгоф на юге, конец 1950-х годов. Фото с <http://www.liveinternet.ru/users/4000579>

О художественных и литературных течениях 1920-х годов

В.Д.: Ну так. Но вернемся к этому вечеру. Значит, был на этом вечере Мейерхольд... простите...

А.Т.: Мариенгоф.

В.Д.: Мариенгоф.

А.Т.: Да.

В.Д.: Значит, Маяковский его тоже «чистил». Мариенгоф не отвечал?

А.Т.: Ну, он не лично...

В.Д.: Он имажинистов.

А.Т.: Он чистил все имажинистов, вообще он коснулся ничевоков, особенно он высмеял этих ничевоков. Ну, и действительно это была какая-то шутивая организация, несерьезная и вообще...

В.Д.: Там был Борис Земенков.

А.Т.: Земенков. Я его знал.

В.Д.: Он потом делал хорошее дело: он зарисовывал литературные <нрзб>.

А.Т.: Ну, не знаю. Но все дело в том, что вот у меня лично никогда не было такого чувства обиды, что эти люди существуют — наоборот — как хорошо, что они все существовали, как хорошо, что они все были...

В.Д.: Да.

А.Т.: Понимаете? Какая была жизнь! И надо сказать, что анкеты у всех, если их опросить — опрашивали, — все были очень патриотические, все любили страну свою, никто не сомневался ни в чем, хотя нужда была большая, многие недоедали, многие не одевались так, как хотелось, и так далее. Понимаете? Все жили какой-то... были какие-то выдуманные даже временем так, они выдуманные, — как ничевоки, это выдуманные люди...

В.Д.: Течения выдуманные.

А.Т.: ...течения выдуманные. И как хорошо, что они выдуманные были, что они *были!* Могло быть еще очень много таких, разных, понимаете ли? Вот, и настоящему...

В.Д.: ...искусству...

А.Т.: ...искусству это не мешало...

В.Д.: Да.

А.Т.: Никогда. Поэтому...

В.Д.: Отсутствие среды искусству больше мешает.

А.Т.: Да. Вот я должен сказать совершенно откровенно, что у нас существует Союз художников сейчас вот, туда входит три тысячи человек. А до этого были общества. Ну, разные общества такие были — художественные общества.

В.Д.: Объединения.

А.Т.: Объединения. Они по-разному работали и по-разному во что-то верили. Естественно, в силу этого и спорили между собой, но жизнь настоящая была *тогда* — именно по линии искусства было настоящее общение между нами, было больше общения между художниками...

В.Д.: Даже враждебными.

А.Т.: ...даже враждебными — чем сейчас, когда мы в одном Союзе. Я не вижу художников, совершенно. Я только бываю на заседаниях правления, которые бывают раз в три месяца там. Всё, и больше... А когда уже там на заседание правления собирается народ, там много всяких дел — но там никогда не спорят об искусстве, я не слышал.

В.Д.: Об искусстве уже говорить там некогда.

А.Т.: Некогда, — и не говорят. И не говорят. Поэтому так вот взвешиваешь это, вспоминаешь и считаешь, что как хорошо, что были ничевоки, всякие...

В.Д.: Фуисты всякие.

А.Т.: ...фуисты. Не мешало это, никому не мешало, наоборот, это как-то нашу жизнь даже украшало, хотя мы сами смеялись над ничевоками, над какими-то художниками, которые что-то выкручивали, выдумывали, потому что у них отсутствовало что-то другое, и им надо было непременно маячить — и вот они маячили... Но и то, что они были, тоже хорошо. В общем, жизнь была настоящая такая...

В.Д.: Атмосфера искусства.

А.Т.: ...атмосфера искусства. И, как всегда бывает, время: плохое, наносное, безвкусное — все это забывалось и выбрасывалось, и вообще исчезало, а хорошее оставалось. Вот это естественный такой отбор получался...

О спектаклях «Клоп» и «Баня» в постановке Мейерхольда

В.Д.: Александр Григорьевич, ну, из вечеров вы больше ничего?.. Вы все-таки много слышали вечеров Маяковского? Америку, например, — были на вечере Америки? «Мое открытие Америки». Не были? Вы, наверное, на поздние...

А.Т.: Я не на всех бывал, потому что я ведь очень часто отлучался из Москвы, я очень много работал между Ленинградом и Москвой. Может быть, какие-то вечера я пропускал. Но, все-таки бывал, но...

В.Д.: Конкретно больше не помните?

А.Т.: Да, не помню.

В.Д.: «Хорошо» поэму вы слышали ведь?

А.Т.: Я слышал «Хорошо» как сам читал Маяковский, но это... ей-богу, не помню, где я это слышал, может быть, даже у него дома.

В.Д.: Ах, могли быть на этом вечере?

А.Т.: Я мог быть, да.

В.Д.: Это вот вечер, где Луначарский был, где был Фадеев, в Гендриковом переулке.

А.Т.: А-а-а! Там... Нет-нет, этого я не видел. А может, в другой раз ... Он же не один раз читал. Может быть... понимаете, очень часто Лиля читала стихи его, может быть, она прочла. Ну, такое большое произведение она не могла прочесть, может быть, выдержки, но я и сам все читал, может, мне кажется, что я слышал это. Но сейчас очень трудно мне это в памяти восстановить, потому что я, правду скажу вам, над этим просто не думал, но я помню хорошо, что я это произведение очень хорошо слышал.

В.Д.: Слышали – не только читали?

А.Т.: Да. Да, не только читал, а слышал. Может быть, частично, да.

В.Д.: Вы лично больше воспринимаете и любите Маяковского раннего или «Хорошо»?

А.Т.: Я очень люблю «Хорошо» и очень люблю «Облако в штанах». Я считаю, что это...

В.Д.: Вы назвали две программных вещи.

А.Т.: Да, это... рождение Маяковского.

В.Д.: И «Хорошо» тоже любите, да?

А.Т.: И «Хорошо» люблю.

В.Д.: Некоторые левовцы не любили.

А.Т.: Я меньше люблю «150 000 000», вот это я меньше люблю, не знаю, почему, но вот так.

В.Д.: А на пьесах, на спектаклях были «Клоп» и «Баня»?

А.Т.: Был, да, как же, я был, а вот один спектакль его — «Мистерию-буфф» — я оформлял.

В.Д.: Эту «Мистерию-буфф» вы оформляли посмертно?

А.Т.: Посмертно, да.

В.Д.: Нет, а вот при жизни — на «Клопе» у Мейерхольда, и на «Бане» у Мейерхольда?..

А.Т.: Был, был, был.

В.Д.: Расскажите.

А.Т.: Это было два замечательных спектакля.

В.Д.: Их очень многие ругают, даже сейчас.

А.Т.: Я вам сейчас скажу, почему ругают.

В.Д.: Вот расскажите, расскажите.

А.Т.: Почему не прошли пьесы, когда ставил их Мейерхольд? Они не прошли. Почему они прошли спустя...

В.Д.: ...двадцать пять лет.

А.Т.: ...двадцать пять лет. Потому что новое поколение подросло. А то поколение не понимало еще Маяковского, трудно воспринимало. Его воспринимали отдельные люди, отдельные группы людей, отдельные группы молодежи, но в целом, массы, его трудно слушали, он как-то медленно доходил. А спустя двадцать пять лет его уже слушали пионеры, которые наизусть его знали, понимаете. Так что тут дело в зрителе. Мейерхольд сделал замечательный спектакль, актеры играли великолепно, а для зрителя...

В.Д.: Вы говорите о «Клопе» или о «Бане»?

А.Т.: Я говорю о двух спектаклях одновременно.

В.Д.: Ага.

А.Т.: Понимаете, потому что и тот спектакль, и «Клоп», и «Баня» не очень прошли.

В.Д.: Нет, «Клоп» лучше прошел...

А.Т.: Ну, может быть, лучше...

В.Д.: А «Баня» просто провалилась.

А.Т.: Я помню, «Баня» – великолепный, с моей точки зрения, спектакль.

В.Д.: Вы были на премьере?

А.Т.: Был на премьере. И мне очень нравились спектакли. Понимаете, это...

В.Д.: На «Бане» публика уходила.

А.Т.: Ну, это... для чего я вам и говорю. Какая публика уходила? Это та самая публика, может быть, даже очень интеллигентная, которая не привыкла слушать текст Маяковского со сцены. Это был новый сценический язык. И вообще не очень привыкли к Мейерхольду, не все привыкали.

В.Д.: Вы любили Мейерхольда?

А.Т.: Очень любил. Я считаю, что это, вообще, большой и настоящий был...

В.Д.: Вы с ним не работали?

А.Т.: У меня есть воспоминания о нем, которые должны выйти, я небольшие воспоминания...

В.Д.: В томе их нет в этом?

А.Т.: Нет, они еще не напечатаны. Это должна выйти книжка. Я не знаю, выйдет ли она: театральные художники в своих воспоминаниях о целом ряде людей.

В.Д.: Ага.

А.Т.: Вот я написал о нем свои... Дома это у меня лежит.

В.Д.: Ага.

А.Т.: Это есть. И это должно быть напечатано, уже второй год, не знаю, может, и не будет напечатано, но говорят, что будет напечатано*.

В.Д.: Ваше мнение об оформлении «Клопа» Кукрыниксами и Родченко. Помните? Там же два художника были.

А.Т.: Да.

В.Д.: В первой части Кукрыниксы...

А.Т.: Это самое слабое место было, с моей точки зрения, это было не очень интересно.

В.Д.: Что — Родченко или... Кукрыниксы?

А.Т.: Все в целом. Во-первых, я не верю в качество декораций, если участвует... ну, в данном случае участвовало четыре человека. Кукрыниксов было трое и Родченко. Вообще, это совершенно разные художники.

В.Д.: Ну, так это и в замысле было, что две пьесы [...].

А.Т.: Ну, вот это не совсем верно. Понимаете, это не совсем верно. Сцена, и вообще искусство, и театр особенно, любит...

В.Д.: ...единство.

А.Т.: ...единство при абсолютно противоречивых...

В.Д.: ...решениях.

А.Т.: ...решениях. Но единство художника, языка, дыхания — это должно быть обязательно, отсюда идет искусство вообще, качество искусства. А вот этого там не было, и это был какой-то промах у Мейерхольда. Вообще, он очень понимал в декорациях, и очень ему хотелось, чтоб все было хорошо, но он не всегда привлекал лучших художников на это дело. Единственное, где он очень интересно сделал, но говорят, что это по его замыслу — это «Ревизор» Гоголя, это было очень хорошо сделано...

В.Д.: Это я видел.

А.Т.: ...художником Киселевым, он жив, по-моему, даже сейчас.

В.Д.: Да.

А.Т.: Но ему очень помог Мейерхольд. Это было очень интересно, очень красиво. Кстати, изумительнейший спектакль. Ну, опять-таки «Ревизор» Гоголя, сделанный Мейерхольдом, тоже в свое время не очень прошел. А спектакль был потрясающий, потрясающий. Потому что... вот я лично другим объяснить не могу, других мотивов у меня не может быть, потому что Маяковский... его осваивали только, он же перешел на сцену, и театр Мейерхольда — его только осваивали. Вот сейчас это был бы самый понятный театр.

В.Д.: Сейчас — да.

А.Т. (смеется): Да. Самый... больше чем понятный даже, понимаете меня. Если бы его сейчас не посещали, то только потому, что он уж слишком понятен, — понимаете, слишком уже доходчив. Ну, это я шучу, можно, я верил в Мейерхольда...

В.Д.: Он бы двигался все время.

А.Т.: Да. Он делал бы какие-то другие вещи обязательно. Ну, это было время, когда какая-то часть публики принимала Маяковского. И эти же спектакли его — какая-то часть. А больш́ая часть, среди которых было очень много мещан, которые считали, что они не имеют права не посетить, они должны видеть, быть в курсе, но понимания у них было очень мало. Они были искренние люди: вот им было непонятно — и им это не нравилось, вот они и высказывали свое мнение.

В.Д.: А оформление «Бани»?

А.Т.: Оформление «Бани» — я даже не помню, какие там были художники. В общем, в том же плане. Там декорации... Там тоже, по-моему, был набор какой-то художников. Ну, и там был...

В.Д.: Вот эта какая-то площадка, на которой Фосфорическая женщина. Помните такое?

А.Т.: Да.

В.Д.: Лестница.

А.Т.: Да. Ах! Это...

* Книга не была издана.

Сцена из спектакля «Баня». Фото с <http://v-v-mayakovsky.ru/>

В.Д.: В «Бане», в «Бане».

А.Т.: ...у Мейерхольда, да.

В.Д.: Про «Баню».

А.Т.: На меня это не произвело впечатления, вот именно... и в «Бане»...

В.Д.: А запомнилось вам именно слово? Вы говорите — «блестяще»...

А.Т.: Весь спектакль — и слово, и актерское решение.

В.Д.: Простите, такой совсем, казалось бы, вздорный и пустяковый вопрос...

А.Т.: Да.

В.Д.: Вы на премьере сидели в первых рядах?

А.Т.: Ну, не в первых, я в первых рядах не люблю сидеть ... сидел нормально.

В.Д.: Я почему говорю — потому что я слышал... я сам не был на этих спектаклях, к сожалению, а говорили, что очень на «Бане» плохо доходил текст, просто чисто технически, что актеры, с одной стороны, его произносили недостаточно внятно, а с другой стороны, там двигались всякие конструкции — заглушало. И что текст Маяковского пропадал.

А.Т.: Нет. Вот если бы можно было бы тот спектакль записать...

В.Д.: Реконструировать.

А.Т.: ...Записать вот как сейчас вы записываете. Ну, весь текст актерский, который был там непонятен... Да?

В.Д.: Да.

А.Т.: Так вы говорите.

В.Д.: Нет, что просто технически...

А.Т.: Технически. А если б его можно было бы тогда записать и сейчас...

В.Д.: ...воспроизвести...

А.Т.: ...воспроизвести, то все было бы понятно. Почему? Потому что уши наши стали тоньше и, в отношении Маяковского, чище, то есть мы его слышим лучше.

В.Д.: Ага.

А.Т.: Я объясняю это только этим. Потому что, я помню, когда я первый раз услышал: «Дней бык пег, медленна арба».

В.Д.: «...лет арба».

А.Т.: «Медленна лет арба. Наш бог бег».

В.Д.: «Сердце наш барабан».

А.Т.: ...Я ни черта не понимал. А потом я понял.

В.Д.: И как это здорово.

А.Т.: И как это здорово. Поэтому надо обвинять не Маяковского и не Мейерхольда, а только зрителя. Почему-то в таких случаях зритель выходит всегда победителем, это неверно. Он был неприспособлен. Маяковский был новый поэт, новатор, Мейерхольд был новатор. Они ставили очень серьезные задачи, а аудитория, которая их признавала, была ограничена еще, было еще мало, а вот если бы можно было, действительно, сейчас все это продемонстрировать, то вы увидели бы. Может быть, кое-что и было бы старое, показалось бы нам сейчас и старым, отжившим, но то, что было тогда непонятно, сейчас было бы очень понятно.

Александр Тышлер. 1960-е. ГМИИ им. А.С. Пушкина